

В Диссертационный совет ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации»
119571, г. Москва, проспект Вернадского, д.82

ОТЗЫВ

официального оппонента – члена диссертационного совета Российской
академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации

на диссертацию Царика Владимира Станиславовича
«Формирование системы противодействия «российской информационной
угрозе» на Западе (2014-2019 гг.): концептуальный и институциональный
аспекты», представленную к защите на соискание учёной степени кандидата
политических наук по научной специальности 5.5.4. – «Международные
отношения, глобальные и региональные исследования»

Актуальность избранной темы диссертационного исследования.

Диссертация В.С. Царика «Формирование системы противодействия «российской информационной угрозе» на Западе (2014-2019 гг.): концептуальный и институциональный аспекты» затрагивает целый пласт важных и недостаточно отрефлексированных отечественной наукой вопросов теоретического и практического характера. Она актуальна прежде всего тем, что расширяет границы понимания понятия «информационная война», привнося в него новый вектор воздействия. Если до недавних пор под информационной войной понимались главным образом меры деструктивного воздействия на информационные системы и общественное мнение противника, то соискатель включает в него дополнительное измерение, связанное с выстраиванием и закреплении нужного образа противника в глазах собственной общественности. И хотя сам диссертант утверждает, что исследуемое им явление не является «классической информационной войной», на наш взгляд, его следует рассматривать как одну из итераций информационной войны, имеющую одновременно оборонительную – в виде установления барьеров на пути проникновения нежелательной информации –

и наступательную – в виде нанесения противнику репутационного ущерба и сокращения доступных ему рычагов воздействия – направленности.

Нельзя не отметить исследовательскую смелость автора, взявшегося за разработку весьма дискуссионной, политически чувствительной и неоднозначной тематики и готового вступать в полемику с авторитетными в отечественной или зарубежной науке подходами и аргументированно отстаивать свою позицию, опираясь скорее на собственное представление и результаты исследования, чем на работы своих предшественников.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации. Новаторский характер работы обусловил и некоторые исследовательские трудности автора, очевидные при внимательном ознакомлении с текстом диссертации. В первую очередь, это проблемы с терминологическим аппаратом. Процесс последовательной стигматизации России Западом и формирования отрицательной её репутации как участника международной жизни обозначается в работе термином «информационное противодействие», которое предполагает, что охватываемые им меры являются ответом на некие изначально исходящие от российского руководства действия. Такой подход соответствует западной интерпретации рассматриваемого процесса, но изучая его с российской точки зрения, уместнее было бы использовать в его отношении более точный термин, к примеру, «информационное давление». Вызывает вопросы и термин «российская информационная угроза», введённый автором для объединения в единый предмет исследования сразу нескольких направлений репутационных ударов, наносимых отдельными западными странами по нашему государству. Употребление авторского термина, взятого в кавычки для подчёркивания мнимого, не отвечающего реальности, характера обозначаемого феномена, выглядит несколько неуклюже. Впрочем, приходится признать объективную сложность в поиске подходящего обозначения для различных по своей природе сфер информационной деятельности, – активности в киберпространстве, дезинформации в СМИ и пропаганде в социальных сетях – которая делает

подобный оборот допустимым для практически «пионерского» исследования.

Структура работы представляется вполне адекватной и обоснованной, материал распределён по главам и разделам равномерно, без особых диспропорций. Внятно сформулированы цель, задачи и гипотеза исследования.

Диссертация опирается на грамотную теоретико-методологическую базу в виде теории социального конструктивизма и часто сопутствующих ему методов деконструкции выбранного феномена путём отслеживания причинно-следственных связей, которые привели к его конструированию, контент-анализа и компаративного метода. Возможно, более глубокое погружение в отдельные направления конструктивизма позволило бы сформулировать более стройную, фундированную теоретическую модель исследуемого процесса. Продуктивными в этом контексте представляется теория идентичности и разработанная в её рамках модель формирования значимого Иного, которая могла бы дать нужную оптику для оценки целей формирования системы информационного давления на Россию не только как способа снижения субъектности нашей страны на международной арене, но и как инструмента достижения нужной степени внутренней консолидации благодаря воссозданию характерного для европейской истории образа России как значимого Иного, ментально-ценностного антипода Европы.

Достоверность и новизна исследования, полученных результатов, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации. В первой главе автор изучает истоки формирования «официального» понимания характера противостояния с Россией на современном Западе, в основу которого положена теория гибридной войны с приоритетным вниманием в её рамках идее информационного противоборства в публичном пространстве. Согласно доводам автора, первые случаи, после которых алармисты на Западе «забили тревогу» об «информационном оружии» России как самостоятельной угрозе, относятся к конфликту 2007 г. в Эстонии вокруг «Бронзового солдата» и к августовской «пятидневной войне» с Грузией в

2008 г. С конца 2013 г. на Западе стали активно обвинять Россию в распространении ложных нарративов об украинском кризисе. После начала вооружённого конфликта на Донбассе совместными усилиями структур НАТО, политизированных НГО, наиболее антироссийски настроенных политиков Украины и Запада, а, главное, аффилированных с этими кругами исследователей и экспертов публичное осмысление кризиса было искусственно заведено в формат теории гибридной войны. Информационное влияние России, рассматриваемое теперь как составляющая гибридной войны, автоматически приобретало характер экзистенциальной угрозы Западу, требующей самого серьёзного ответа.

Одновременно с изложением истории развития теории гибридной войны и её ответвлений, связанных с информационным противостоянием, автор полемизирует с ключевыми установками этих теорий, показывая их слабую фундированность, демонстрируя ложность выдвинутых против России обвинений и трактовок приписываемых ей действий, не выдвигая, однако, собственной теоретической модели происходящего.

Во второй и третьей главах диссертации изложен ход осмысления и принятия решений по поводу предполагаемой информационной угрозы политическими структурами Запада – государственными органами и межгосударственными объединениями. В фокусе внимания находится главным образом процесс создания институтов, препятствующих проникновению российской точки зрения в западное информационное пространство и набору политического веса местными силами, выступающими за компромиссное решение противоречий с Россией. Автором показано, что дискурс о российской «гибридной угрозе» и «дезинформации», запущенный весной 2014 г. на уровне общественного и экспертного обсуждения, был уже летом того же года оперативно подхвачен официальными представителями НАТО и рядом восточноевропейских государств, в спешном порядке инициировавших ограничительные меры в отношении российских СМИ. При этом в структуре НАТО на тот момент уже существовали частично аффилированные механизмы, обеспечивающие

аналитическое сопровождение нового дискурса, поэтому на уровне НАТО процесс на первых порах ограничился дискурсивными проявлениями и фиксацией некоторых декларативных обязательств, тогда как на уровне Европейского Союза были предприняты шаги в направлении создания первых, пока ещё не до конца институционализированных механизмов регулярной борьбы с «российской дезинформацией». Активное подключение к выстраиванию инфраструктуры информационного давления на Россию ведущих европейских государств происходит только после 2016 г., причём их действия в этом направлении ограничиваются, как правило, ужесточением регулирования медиасреды и социальных сетей. Постепенно эти действия получают дополнительное подкрепление на уровне межгосударственных организаций. В США аналогично идея необходимости нейтрализации исходящих от России гибридных угроз регулярно озвучивается в публичном пространстве, но получает институциональное оформление только в конце 2016 г. и постепенно переходит в разряд предметов ведения военного ведомства и спецслужб с расширением их полномочий в этой сфере.

Из текста диссертации следует, что именно западные межгосударственные объединения – НАТО, ЕС и в некоторой мере Совет Европы – играли направляющую роль в формировании институциональных рамок системы информационного давления на Россию, задавали опережающую повестку дня для национальных правительств и создавали необходимый практический инструментарий. Причём Европейский Союз в ряде случаев шёл в фарватере курса, сформулированного органами и представителями НАТО, что в очередной раз подтверждает дефицит самостоятельных агентских качеств у этой структуры.

Значимость для науки и практики результатов, полученных автором. Теоретическая значимость работы заключается в её вкладе в научную дискуссию вокруг понятия «гибридная война», ставшего популярным в отечественном публичном пространстве, и других неклассических типов войн. В практическом плане ценность исследования задаётся возможностями использовать его выводы для формирования

российской системы защиты собственного информационного пространства и выработки оптимальных моделей внешнеполитического позиционирования и получения должных рычагов политического влияния в условиях фактической информационной блокады.

Мнение о работе соискателя в целом. В ходе исследования затронутого предмета В.С. Царик проявил несомненную основательность подхода к подбору и анализу фактологического материала, переработал значительный пласт доступных источников, логично обосновал сформулированные выводы и последовательно выстроил изложение материала. Таким образом, в рамках доступных автору фактов, следующих из проработанных им источников, и общедоступных знаний выдвинутые им основные положения диссертации, как и выводы отдельных глав, также представляются достоверными.

Несмотря на эти достоинства, диссертация не лишена определённых **недостатков.**

Прежде всего, бросается в глаза ограниченность представленных в исследовании практических рекомендаций для руководства Российской Федерации в ходе осуществления им текущего внешнеполитического курса. Выстраивание целой многоуровневой системы, имеющей своей целью лишить нашу страну статуса полноправного участника международных процессов, – это серьёзный вызов, требующий всестороннего осмысления и надлежащего ответа. Было бы крайне желательным в рамках данного исследования дать оценку тому, насколько адекватной была реакция российской дипломатии на обвинения в ведении «гибридной войны» против либерального миропорядка на различных этапах выстраивания данной системы и каким образом Москва могла упредить и нейтрализовать исходящий от неё вызов.

Во-вторых, исследование имело бы более законченный вид, если бы включало в свой ареал также и уровень негосударственных организаций, на котором также была развёрнута соответствующая инфраструктура, выступавшая неотъемлемым элементом системы информационного давления

на Россию. Разумеется, включение ещё одного уровня анализа привело бы к значительному увеличению объёма и без того весьма обширного исследования, однако некоторые тенденции стоило бы обозначить для более чёткого понимания масштаба скоординированности данной кампании.

В-третьих, автор даёт подробную оценку последствиям формирования упомянутой системы для хода российско-западной конфронтации, но не уделяет внимания более широкому контексту – последствиям для политических процессов в европейских государствах и информационной плоскости международного взаимодействия как таковой, фактическому введению цензуры не только в СМИ, но и в соцсетях, дальнейшей кластеризации мирового информационного пространства и т. п.

В-четвёртых, сравнение моделей вовлечения различных европейских государств в процесс построения системы информационного давления на Россию выглядит несколько неполно, поскольку излагает только констатирующую часть и не содержит объяснительного компонента. Проще говоря, диссертант описал, какими были типы реакций на тиражирование дискурса о «российской дезинформации» на национальном уровне разных стран, но не объясняет, почему они были таковыми, по каким причинам одни страны ограничились лишь дискурсивным признанием наличия такой проблемы, тогда как другие предпринимали ограничительные меры против российских СМИ раньше, чем этот дискурс был закреплён на уровне западных межгосударственных объединений.

Тем не менее, указанные недостатки не сказываются на общем положительном впечатлении от текста диссертации. Несмотря на неожиданные и порой спорные выводы, часть которых, возможно, придётся уточнить или дополнить при поступлении новых данных, диссертация остаётся качественной научно-квалификационной работой с надлежащим решением поставленных исследователем задач.

В связи с вышесказанным считаю, что научное исследование Царика Владимира Станиславовича на тему «Формирование системы противодействия «российской информационной угрозе» на Западе (2014-

2019 гг.): концептуальный и институциональный аспекты» может быть допущено к защите на заседании диссертационного совета.

Вывод о соответствии диссертации критериям, установленным Положением о порядке присуждения ученых степеней. Диссертация В.С. Царика на тему «Формирование системы противодействия «российской информационной угрозе» на Западе (2014-2019 гг.): концептуальный и институциональный аспекты» отвечает требованиям Порядка присуждения учёной степени кандидата наук, учёной степени доктора наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, утверждённого приказом ректора ФБГОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» от 7 декабря 2021 г. № 02-1336, а Царик Владимир Станиславович заслуживает присуждения ему учёной степени кандидата политических наук по специальности 5.5.4. – «Международные отношения, глобальные и региональные исследования».

Заведующий кафедрой общей и прикладной политологии
ФБГОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»,
доктор политических наук,
профессор

К.В. Старостенко

« 01 » 09 2023 г.

ФБГОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»
302026, г. Орёл, ул. Комсомольская, д. 95
Телефон: +7 (961) 624-45-64
E-mail: pilotskv@bk.ru